

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ:
ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ,
ПСИХОТЕРАПИЯ 1/2004 (4)

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ:
ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОТЕРАПИЯ**

ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ
И ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ

Учредитель: Ассоциация экзистенциального консультирования
по соглашению с Восточно-европейской ассоциацией
экзистенциальной терапии

Главный редактор: С.Б. Есельсон

Редакционная коллегия:

Ю. Абакумова-Кочюнене (Литва),
И. Бите (Латвия),
В. Летуновский (Россия),
О. Лукьянов (Россия),
А. Синеок (Россия)

Редакция:

А. Колесникова,
М. Кулакова,
И. Павленко,
С. Ханяева

Редакционный совет:

А. Алексейчик (Литва),
проф. А. Гнездилов (Россия),
проф. Э. ван Дорцен (Великобритания),
С. Есельсон (Россия),
проф. Е. Золотухина-Аболина (Россия),
проф. В. Каган (США),
проф. Р. Кочюнас (Литва),
проф. Д. Леонтьев (Россия),
проф. В. Маас (Нидерланды),
С. дю Плокк (Великобритания),
проф. Е. Ромек (Россия),
проф. В. Подорога (Россия),
проф. Э. Спинелли (Великобритания),
проф. Р. Шерпитите (Литва),
проф. В. Шкуратов (Россия)

Адрес редакции: 344022, г. Ростов-на-Дону, а/я 3382;
e-mail: existrad@bk.ru, сетевая версия: www.existrad.narod.ru

Редакция выражает благодарность
за оказанную помощь в выпуске номера

S. du Ploek (Великобритания),
Е. Залевской (Россия)

Тираж 500 экз.

ISSN 1810-6560

© Ассоциация экзистенциального консультирования. 2004.

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ:
ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ,
ПСИХОТЕРАПИЯ 1/2004 (4)**

**ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ
И ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ**

ИЗДАЕТСЯ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ
ВЫХОДИТ С СЕНТЯБРЯ 2002 г.

ВЫП. 1 (4)
АПРЕЛЬ 2004 г.

**Ростов-на-Дону
2004**

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

- Умер Хенн Миккин 6
Алексейчик А. (Литва) К уходу Митрополита Антония Сурожского:
переживание врача, психиатра, психотерапевта, верующего 7

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

- Шкуратов В.А. (Россия)* Человек и антипод: размышления
об эволюционном экзистенциализме, или экзистенциальном
эволюционизме, на материале доистории, фантастики и проч. 10

AB OVO (в помощь студенту и преподавателю)

- Летуновский В.В. (Россия)* К 100-летию со дня рождения
Медарда Босса 37
Ромек Е.А. (Россия) Аристотель жил. Аристотель жив. Аристотель
будет жить... вечно? 48

ЛЕЧЕБНАЯ ЖИЗНЬ

- Шабханги Н.Р. (США)* Размышления о бытии экзистенциального
психотерапевта 62
Мунасипова А. (Россия) Письма из желтого дома. Эпизод I 68

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ ЖИВЕТ И ПОБЕЖДАЕТ

- Лукьянов О.В., Чичкова Г.В. (Россия)* Экзистенциальная традиция —
юмор под покровом ума 72

ФИЛОСОФИЯ ПРАКТИКОВ

- Плокк С., дю (Великобритания)* Некоторые размышления по поводу
экзистенциально-аналитического подхода к работе с зависимостями 104

СПРАШИВАЛИ — ОТВЕЧАЕМ

- Леонтьев Д.А. (Россия)* О времени: иллюзия ответов 113
Мазур Е. (Россия) Феномен «рождественской тоски» 118

ВОСПОМИНАНИЯ В РАЗМЫШЛЕНИЯХ

- Кочюнас Р. (Литва)* Со-бытие как главное событие
в психотерапии (по следам семинара Эрнесто Спинелли) 121
Труфанова О.К. (Россия) С. дю Плокк в Ростове: впечатления от встречи 126

ПОИСКИ И ПОСТРОЕНИЯ

- Сосланд А.И. (Россия)* Глубокое и высокое 128
Ли С. (Великобритания) Чьи феномены? 143

САМОНРОНИЯ

- Сухоцкая Л. (Польша)* Сказка о Терапевте 147

ТЕРАПЕВТ В ЗАКОНЕ

- Европейский сертификат по психотерапии 150
Исследование ситуации в европейской практической психотерапии
(беседа с Э. ван Дорцен) 159

ЮБИЛЕЙ

- Есельсон С.Б. (Россия)* 5 лет Институту экзистенциального консуль-
тирования и осмысления религиозного опыта в Ростове-на-Дону 161

- ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ 168

ОТ РЕДАКЦИИ

Журнал освещает проблемы анализа экзистенции и становления экзистенциальной психологии, психотерапии и консультирования как философского праксиса. В год выходят два номера. В журнале публикуются статьи по философской, психологической и психотерапевтической тематике, исследования конкретных случаев, дискуссии, комментарии к книгам и письмам, проекты и интересные документы. Мнения, выраженные авторами статей, являются их личным мнением и не обязательно совпадают с мнением редакционной коллегии, редакционного совета, Ассоциации экзистенциального консультирования, Восточно-Европейской Ассоциации экзистенциальной терапии.

Если темы, поднятые авторами помещенных в нашем журнале статей, звучат для вас по-другому, мы будем рады опубликовать присланные вами материалы.

Адрес редакции: 344022, г. Ростов-на-Дону, а/я 3382;
e-mail: existrad@bk.ru.

АРИСТОТЕЛЬ ЖИЛ. АРИСТОТЕЛЬ ЖИВ. АРИСТОТЕЛЬ БУДЕТ ЖИТЬ... ВЕЧНО?

Е. А. Ромек (Россия)

К 80-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПОТЕМКИНА

Подражание Аристотелю должно быть таким, чтобы любовь к нему [никогда] не доходила до той степени, когда его предпочитают истине, но таким, когда он становится предметом ненависти, способным вызвать желание опровергнуть его [во что бы то ни стало].

Аль-Фараби

Аристотель умер в 322 г. до н.э. Случилось это в Халкиде на о. Эвбея, куда он бежал после смерти Александра Македонского, опасаясь преследований со стороны сограждан-афинян. Он прожил короткую для греческого философа жизнь. Платон умер в возрасте восьмидесяти лет, Пифагор — ста четырех, Зенон Китийский, говорят, уморил себя голодом на пороге столетнего юбилея. Аристотелю было всего шестьдесят два. Однако учение его и сегодня живет всех живых.

С логикой Аристотеля, его представлениями о том и об этом сталкиваешься постоянно — в науке и в обыденном знании, в языке, в политике, в религии. Его считают отцом множества дисциплин: помимо философских — психологии, физики, медицины (вместе с Гиппократом), астрономии (вместе с Птолемеем), биологии (вместе с Линнеем) и др. Он — самый цитируемый автор всех времен, высший авторитет, а значит, и потенциальный примиритель враждующих научных школ, направлений и подходов.

Это могло бы служить примером триумфа традиции, преемственности, столь редкого в наши дни уважения к старшим, если бы идеи великого грека применялись осознанно, с учетом их ис-

Елена Ромек — доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии права философского факультета Ростовского госуниверситета. С 1995 г. занимается исследованиями в области теории и истории психотерапии. Автор более пятидесяти научных работ, в том числе монографий «Психотерапия: теоретическое основание и социальное становление» (Ростов-на-Дону, 2002) и «Тренинг наслаждения» (в соавт. с В.Г. Ромеком) (СПб, 2003).

торического контекста и логических границ, с учетом многовековой традиции освоения и преодоления Аристотеля. Увы, они воспроизводятся в качестве истин в последней инстанции. При этом большинство современных людей искренне считает их *собственными убеждениями*, не имея ни малейшего представления ни о трактатах, из которых они заимствованы, ни, тем более, о трактатах, посвященных критике и опровержению этих идей.

С исторической точки зрения, в популярности учения Аристотеля ничего удивительного нет. В 335 г. до н.э. он основал свой Ликей. Философы, группировавшиеся вокруг него, еще в IV в. получили название перипатетиков. Эта философская школа просуществовала около восьми столетий. В IV-I вв. до н.э. Теофраст, Эвдем Родосский, Аристоксен Тарентский и др. еще пытались развить дело учителя и, в частности, применить разработанную им логику к изучению отдельных наук. В I-IV вв. н.э. исследовательские амбиции уступили место служению: Андроник Родосский, Боэт Сидонский, Ксеноарх, Стасей Неапольский и др. занимались преимущественно изданием и комментированием работ Аристотеля. В IV в. античный перипатетизм прекратил самостоятельное существование и слился с неоплатонизмом. А в 529 г. император-христианин Юстиниан закрыл Афинскую академию как оплот и рассадник язычества. И кто знает, стал бы Аристотель крупнейшим авторитетом христианской теологии, если бы первоначально он не утвердился в этом статусе в теологии исламской.

В IX-X вв. наследие Аристотеля перешло к арабам и благодаря им выжило. Ярким свидетельством отношения мусульманских интеллектуалов к трудам Первого учителя является отрывок из книги «О происхождении философии», авторство которой Ибн-Аби Усайба приписывает Аль-Фараби. Согласно этому сочинению, после смерти Аристотеля заботу о его наследии взяли на себя двенадцать учителей философии из Александрии. Последним из них был Андроник. Именно ему было поручено после победы Цезаря над Клеопатрой скопировать книги, переписанные при жизни Аристотеля и его учеников. Одна копия этих книг была оставлена в Александрии, другая — перевезена в Византию. С приходом христиан изучение книг Аристотеля приостановилось: богоугодной была признана лишь небольшая часть работ по логике. Позже в связи с преследованием сирийских христиан центр восточного перипатетизма переместился в Антиохию. Там жил один ученый человек, знавший оригиналы работ Аристотеля. У него было два ученика — один родом из Харрона, другой — из Мерва. Уроженец Мерва обучил Ибрахима аль-Марузи и Йуханна бен-Хайлан. У

Марузи обучался Абу-Бишр Матта, который в последующем обучил Абу-Насра аль-Фараби, крупнейшего знатока Аристотеля на исламском Востоке [6, с. 27].

Приведенная Ибн-Аби Усайбиа летопись напоминает *иснад* — принятое в мусульманской традиции с конца VIII в. перечисление тех, кто из поколения в поколение передавал хадисы — высказывания пророка, служившие основой исламской этики и законодательства. Одно это сходство дает представление о весе Аристотеля в арабском мире. Труды Аристу — так звали его арабы — комментировали Ибн-Сина из Бухары, Аль-Газали из Багдада, Туфейль из Севильи, Ибн Рушд (Аверроэс) из Кордовы и др. Им было нелегко. «Я прочел этот трактат 200 раз», — написал Аль-Фараби на полях аристотелевского трактата «О душе». Героическое усердие мусульманских герменевтов вдохновляло Борхеса: «...Я хотел описать процесс одного поражения. Сперва я подумывал о том архиепископе кентербейском, который вознамерился доказать, что Бог един; затем об алхимиках, искавших философский камень; затем об изобретавших трисекцию угла и квадратуру круга. Но потом я рассудил, что более поэтичен случай с человеком, ставившим себе цель, доступную другим, но не ему. Я вспомнил об Аверроэсе, который, будучи замкнут в границах ислама, так и не понял значения слов “трагедия” и “комедия”» [5, с. 160].

Несмотря на подобные трудности, арабоязычные перипатетики спасли наследие Аристотеля. Именно через них Запад впервые познакомился с ним в XI–XII вв. В течение долгого времени европейцы знали из Аристотеля только переводы с переводов его произведений и арабские комментарии на его сочинения. Испанские арабы и евреи переводили эти переводы с арабского на латынь. В таком виде они попадали в университетские программы, схоластические диспуты и богословские трактаты. В XIII в. Фома Аквинский воссоздал учение Аристотеля о бытии и познании в усеченно-догматической форме, после чего оно было фактически канонизировано католической церковью¹. Вплоть до XVIII столетия обучение на всех четырех факультетах европейских университетов предполагало заучивание работ Аристотеля наизусть. Цитирование его трудов, так же как и Священного писания, считалось безусловным доказательством истинности тех или иных идей. Будучи инкорпорированной христианской теологией, философия Аристотеля стала для образованных европейцев универсальной

¹ De jure томистская версия учения Аристотеля была канонизирована в 1567 г., когда Фома Аквинский был признан пятым «учителем церкви».

системой базисных идеализаций, определявшей представления о мироздании, нормы и автоматизмы мышления.

Первый сокрушительный удар по этой системе нанес Коперник. Доказав, что Земля вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца, он не просто сделал великое открытие в астрономии, но совершил нечто большее, нечто невозможное. Скромный поляк опроверг самого Аристотеля, доказав, что Первый учитель подвержен ошибкам и заблуждениям, так же как и простые смертные. Кроме того, Коперник привел неподвижный, целесообразно (иерархично) устроенный, наилучший из всех возможных, а потому не подлежащий изменению, мир Аристотеля-Птолемея в движение. И вместе с ним пришли в движение незыблемые до той поры убеждения образованных европейцев. Коперник подготовил почву для скептиков и бунтарей. И они не замедлили появиться.

Вот уже Бруно пишет о бесчисленности миров во Вселенной, критикует понятие *Materia Prima* Аристотеля, отваживаясь утверждать, что материя в себе самой содержит источник развития. А Галилей обнаруживает с помощью им же изобретенного телескопа несметное скопление звезд, образующих Млечный путь, спутники Юпитера, фазы Венеры, пятна на Луне и Солнце и тем опровергает перипатетическое представление о вечности и неизменности небесного мира. Вот уже Монтень выступает против закоренелых предрассудков и предубеждений, высмеивает схоластическую теологию, бросает гордое: «философствовать — значит сомневаться». Вот уже Бэкон открыто восстает против доктрины Аристотеля, призывает современников к «глубочайшей реформе духовной сферы», пишет «Новый Органон»², в котором, правда, на собственном примере демонстрирует коварство открытых им *idola theatri*. «Новаторский» метод эмпирической индукции, предложенный Бэконом в этом сочинении, фактически воспроизводит очищенную от схоластических наслоений логику Первого учителя.

Понадобилось еще около двух столетий для того, чтобы в дискуссии о методе познания, в которой приняли участие Бэкон, Декарт, Гоббс, Спиноза, Гассенди, Локк, Шефтсбери, Лейбниц, Вольтер, Ламетри, Гольбах, Дидро, Гельвеций, Вольф, Лессинг, Гаман, Гете и многие другие, были выявлены границы аристоте-

² Органомом называлось собрание шести трактатов по логике Аристотеля. Перипатетики обозначали этим словом (*organon* — гр. ‘орудие, инструмент’) логику как орудие научного познания. Ф. Бэкон, желая подчеркнуть реформаторский характер своего учения, назвал свой главный труд «Новый Органон наук» (1620).

левской логики и осознана ее неадекватность целям (любой) науки. Только после этого в конце XVIII — начале XIX вв. немецкие философы — Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах, а позже и Маркс, смогли разработать диалектику как метод теоретического мышления. Этот метод К. Маркс применил в исследованиях цикла «Капитала», М. Хайдеггер — при написании «Бытия и времени»³. Л.С. Выготский открыл с его помощью закон генезиса высших психических функций, Б.Ф. Поршнев реконструировал самую возможность естественного происхождения человека, И.А. Соколянский и А.И. Мещеряков впервые в мировой практике добились успеха в полноценном развитии слепоглухонемых детей.

Принципы диалектики многократно переоткрывались представителями частных дисциплин под давлением логики исследования. Достаточно вспомнить психоаналитический метод З. Фрейда⁴, теорию органических систем Л. фон Берталанфи или общую теорию систем И. Пригожина, превращенную Г. Хакеном в «синергетику».

Итак, в истории мысли — истории науки и философии — метафизика и логика Аристотеля *преодолены*. Не отвергнуты, не отброшены, а *сняты, проработаны*, как выражаются психотерапевты. Метафизика вписана в контекст места и времени. Формальная логика понята как необходимый момент теоретической деятельности, без которого эту деятельность нельзя начать и которым ее невозможно закончить, если, конечно, вас интересует закон изучаемых явлений.

Но одно дело — наука, сфера поиска и риска, в которой любые технологии мышления проходят проверку на истинность логикой исследуемого предмета, аргументами оппонентов и — last but not least — практической эффективностью, и совсем другое — образование. Институт образования консервативен по самой своей природе, поскольку его функция заключается в сохранении и передаче социального опыта. К сожалению, чаще всего эта функция сводится к трансляции готовых знаний — некоторого корпуса сведений, «которые должен знать каждый цивилизованный человек». В следствие этого возникает фундаментальный разрыв между логикой, приоритетами, потребностями науки (как, впрочем, и практической жизни) и программами образования. Именно сфе-

³ Подробнее об этом см. [8].

⁴ Подробнее об этом см. [10, с. 322-362].

ра образования является «оплотом и рассадником» преодоленного человечеством учения Аристотеля. Конечно, заучивать труды Первого учителя наизусть в наши дни ни школьников, ни студентов не заставляют. Большинство из них не прочло трактата «О душе» и единожды. Однако в принципах отбора и изложения учебного материала, способах презентации достижений различных научных дисциплин, приемах систематизации и классификации знаний, в постулатах, предлагаемых учебниками и справочниками в качестве истин, не требующих доказательства, Аристотель господствует почти безраздельно.

* * *

На первой лекции курса «Теоретические основы психотерапии и психологического консультирования» я обычно прошу слушателей ответить на один «простой» вопрос: «Что такое сознание, и как можно изучать его научно?» Ответы абсолютно предсказуемы. В 90% случаев студенты убеждены, что научное (материалистическое, эмпирическое, экспериментальное) исследование сознания, поведения, человеческой психики в целом предполагает понимание всего этого как продукта деятельности мозга («церебральных структур», «нейродинамических процессов» и т.п.). Соответственно, ненормальное (девиантное) поведение, мышление и т.п. трактуются как следствия патологии мозга — *симптомы* [душевной] *болезни*. Иногда делаются оговорки относительно «социальных условий», которые способствуют проявлению психических процессов или их патологии, служат, так сказать, пусковым механизмом. По поводу подобных оговорок Гегель как-то заметил, что если делающие их не в состоянии объяснить, какие именно условия «среды», каким образом и при каких обстоятельствах вызывают данное следствие, то рассуждения их есть не что иное, как пустая софистика. Посему, за вычетом софистики, причиной психических процессов в норме и в патологии большинство студентов считает работу мозга.

Их убеждение подкрепляется учебной и научно-популярной литературой. «Все, что будет говориться в этой книге, — пишут, например, авторы учебника «Мозг, разум, поведение» Ф. Блум, А. Лейзерсон и Л. Хофстедтер, — основано на предположении, что все нормальные функции здорового мозга и все их патологические нарушения, какими бы сложными они ни были, можно, в конечном счете, объяснить, исходя из свойств основных структурных компонентов мозга. Мы называем это утверждение нашей «центральной догмой» [4, с. 32]. Авторы осознают различие и даже

«противоречие» между низшими и высшими психическими функциями, между «движением, ощущением, едой, питьем» и «думами, мечтами, мыслями и озарениями, надеждами и чаяниями». Но это не останавливает их в решимости с помощью науки и эмпирической методологии одолеть мистицизм в понимании человеческой психики. «В прежние времена считалось, — продолжают они, — что психические акты отделены от функций мозга и связаны с нематериальной и таинственной областью, называемой “сознанием”. В этой книге проводится точка зрения, согласно которой “сознание” возникает в результате совместных действий множества клеток мозга, так же как пищеварение есть результат совместных действий клеток пищеварительного тракта».

«Центральная догма» не нова, не оригинальна и, конечно же, не имеет ничего общего ни с *материализмом*, ни с *наукой*. Она является частным случаем концепции, отождествляющей сознание с работой одного из органов человеческого тела, и воспроизводит архаичное представление о двойственности природы человека — «души в теле». Древние народы верили в то, что душа находится в сердце, диафрагме, а у некоторых избранных представителей рода человеческого — даже в пятке (случай Ахилла). Врачи XVIII в. объявили ее продуктом деятельности мозга, психиатры XIX — функцией «церебральных нейродинамических процессов». С тех пор продолжают попытки — тем более упорные, чем менее они успешны — локализовать сознание в структурах (морфологических, гистологических, генетически обусловленных и т.п.) и процессах (электрических, нейробиологических, биохимических) мозга. Скрытая ирония этих попыток заключается в том, что мозг при этом уподобляется наиболее современным и технически изощренным продуктам *человеческой деятельности*. В XVIII в. его сравнивали с механическими приспособлениями — фортепьяно, часами и т.п. В XIX его мыслили по аналогии с электромеханическим устройством, передающим импульсы от периферийных зон к центральному аппарату, преобразующему их в энергию действия. В наши дни мозг уподобляют компьютеру, который можно запрограммировать, перепрограммировать, заразить вирусом, лишить оперативной памяти и т.п., который может *сбоить* и *тормозить*.

Что же придает представлению о чудесном органе, позволяющем нам «создавать орудия от каменного топора до ядерного реактора, изобретать машины, с помощью которых мы движемся быстрее, чем гепард и летаем выше и дальше, чем орел, передавать информацию об этих изобретениях будущим поколениям по-

средством языка», словом, делать «то, к чему не способно ни одно животное» [4, с. 194-196], представлению *мифологическому по самой своей сути*, видимость научной истины?

Без сомнения, определенная система аргументации. Логика, которая, даже не будучи артикулированной, безошибочно угадывается нами и безоговорочно принимается. Поскольку знакома с детства. Поскольку проста и понятна. Поскольку в соответствии с ней написаны учебники, словари и справочники (за редким исключением). Поскольку следование ее правилам поощряется высокими отметками в школе и вузе (опять же за редким исключением). Поскольку за нее — здравый смысл и старшее поколение.

Прежде всего, убеждает апелляция к объективности. В отличие от «сознания», «воли», «переживаний», их «смысла» и тому подобных эфемерных феноменов, мозг — *чувственно данное*, нечто такое, что можно увидеть собственными глазами, измерить, взвесить, рассмотреть под микроскопом. Мозг существует в действительности, а сознание, память, воля, речь — представляют собой его свойства (функции). Отделить их от материального носителя можно лишь в воображении, но не в реальности.

Во-вторых, мозг определенного строения имеется у всех представителей рода *Ното*, а патология его сапиентных структур — например, недоразвитие передних верхних лобных формаций — обычно сопровождается аномалиями мышления, поведения, речи и т.п. Разве это не означает, что локусом сущности человека является именно мозг?

Наконец, поскольку то, что специфицирует человека, находится в мозге, постольку научное (эмпирическое) исследование сознания, мышления, личности как в норме, так и в патологии, предполагает изучение структуры и функций мозга.

Получился образцовый силлогизм. Его логический прототип таков:

- А. Действительным существованием обладает единичный предмет.
- В. Сущность предметов любого класса заключается в признаках (свойствах), наличествующих во всех единичных предметах этого класса.
- С. Задача научного исследования (сущности) состоит в том, чтобы выделить (абстрагировать) признаки единичных предметов изучаемого класса, объединить их в виды, роды, и свести в систему классификации.

Перед нами — альфа и омега логики эмпирической индукции (обобщения) — логики обыденного сознания, которую в «чистом»

виде выразил Аристотель, считая ее единственно надежным способом мышления. «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, — писал он в трактате «Категории», — это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, — и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду «человек», а род для этого вида — «живое существо»... Все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащем, или же находится в них как в подлежащих. Это становится ясным, если брать отдельные случаи: живое существо, например, говорится о человеке, поэтому оно сказывается и об отдельном человеке; ведь если бы оно не сказывалось ни об одном из отдельных людей, оно не сказывалось бы и о человеке вообще» [1, 2а 5-35].

На границы этой логики наталкиваешься сразу, причем и в теории, и на практике. Показательна в этом отношении история первого экспериментального исследования перцептивных процессов первобытных людей, предпринятого антропологами Кембриджского университета в 1895 г. Оснащенная по последнему слову науки экспедиция, которую возглавлял А. Хэддон, отправилась к островам Торесова пролива для того, чтобы проверить достоверность утверждений европейских путешественников об экстраординарности сенсорной чувствительности туземцев. Некоторые мореплаватели сообщали, например, что «дикари» обладают феноменальной зоркостью, позволяющей им невооруженным глазом видеть предметы, неразличимые европейцами даже с помощью биноклей и телескопов. Подобные свидетельства были созвучны распространенному в XIX в. представлению⁵ о том, что первобытные люди находятся на более низкой по сравнению с европейцами ступени эволюционного развития, характеризующейся преимущественным развитием низших психических способностей.

Планируя свое исследование, кембриджские психологи исходили из следующего:

а) перцептивные способности человека производны от его [психо]физиологической организации;

б) если аборигены Торесовых островов действительно обладают экстраординарной чувствительностью, то ее источником являются особенности их [психо]физиологии;

в) эти особенности нужно выявить средствами объективной эмпирической методологии, т.е. измерить остроту зрения, слуха, обоняния, порог чувствительности как можно большего числа туземцев, определить их средние значения и сравнить с соответствующими показателями европейцев.

Измерением остроты зрения занимался У.Х.Р. Риверс. Он протестировал сто семьдесят коренных жителей Торресовых островов с помощью специально разработанной Е-методики, выполнив при этом требование эквивалентности ее применения. Полученные данные были сопоставлены с результатами такого же исследования зрения жителей острова Гельголанд у побережья Германии. Результатом стало опровержение представления о выдающихся перцептивных возможностях «дикарей»: никаких значительных физиологических особенностей восприятия у них выявлено не было. Туземцы «не проявляют того превосходства над европейцами в присущей им остроте зрения, как этого можно было бы ожидать по сообщениям путешественников», — резюмирует в своем отчете Риверс (цит. по [7, с. 60]).

И все же, прожив некоторое время среди аборигенов, Риверс вынужден был признать, что за пределами психофизиологической «лаборатории», в повседневной жизни они, действительно, демонстрируют необыкновенную зоркость. Однажды, например, когда он переплывал в лодке с одного острова на другой, трое его туземных спутников воскликнули, что видят корабль в бухте на другой стороне острова. Несколькими днями ранее Риверс лично измерил остроту зрения этих людей и знал, что она была обычной. Тем не менее, они смогли увидеть мачты корабля задолго до него. Размышляя над подобными парадоксами, Риверс фактически признал, что экстраординарность зрения «дикарей» обусловлена не врожденными свойствами их тел, а социокультурными формами их жизнедеятельности. «Насколько позволяют судить наши данные, писал он, — дикарь, похоже, начинает с такой остроты зрения, которая лишь ненамного превосходит остроту нормального зрения среднего европейца. Однако путем продолжительной практики внимательного приглядывания к мелким деталям окружающей среды ... дикарь становится способным увидеть и распознать удаленные объекты таким образом, что это кажется почти сверхъестественным» [7, с. 64].

⁵ Самыми известными его адептами были антропологи Э.Б. Тайлор и А.Ф. Чемберлен, философ-позитивист Г. Спенсер, а также автор «теории дегенерации» врач Б. Морель.

Таким образом, то, что специфицирует аборигенов Торресовых островов (а также европейцев, африканцев, эскимосов, древних греков, девиантных личностей, обывателей и т.д.) находится *за пределами отдельного человека* — в законах совместного существования многих людей, в исторически сложившихся формах их социального бытия — формах совершенно объективных, несмотря на их нечувственный и невещественный характер.

Причем в этом положении дел нет ничего специфического для человека. Сущность лошади — также не в ее отличительных признаках, а в их функционально-генетической связи, в том, каким образом эти признаки участвуют в приспособлении организма рода *Equus* к среде обитания. Отличительные признаки лошади сформировались в процессе *эволюции*, двигателем которой является борьба за существование животных и растений *многих видов* в *изменяющейся* среде (биоценотической системе): Сущность лошади, стало быть, не менее конкретна, целостна и исторична, чем сущность человека, как бы это не удручало адептов «наук о духе». Таким образом, *сущность находится не в индивидуальном предмете, а «вокруг» него, представляя собой закономерную связь между индивидуальными предметами, которая определяет возникновение и существование каждого из них в рамках исторически понимаемого целого.*

Теоретические границы аристотелевской логики обнаруживаются и другим путем. Студенты-психологи выпускного курса часто жалуются на типичные трудности, связанные со сдачей государственного экзамена. К каким только мнемотехникам не приходится им прибегать, чтобы запомнить, например, десять-двадцать «теорий» личности, каждая из которых построена на основе обобщения тех или иных признаков человека. З. Фрейд, считал, что основой развития личности является конфликт между природными влечениями индивида и социальными запретами на их проявление. А. Адлер ставил во главу угла чувство неполноценности и «социальный инстинкт». Б. Скиннер полагал, что личность формируется в ходе научения, подкрепляющего определенное поведение ребенка. Дж. Келли сводил ее к конструктам, используемым индивидом для предвидения будущего. А. Маслоу утверждал, что личность конституирует иерархия пяти потребностей, высшей из которых является потребность в самоактуализации. У. Джеймс выделял аж три личности — физическую, социальную и духовную.

Так что же такое личность? «Скажите нам, какая из этих теорий *правильная*», — просят обычно студенты-медики. А, действительно, какая? Все и ни одна. Каждая из них фиксирует реальные

черты современного человека. В этом смысле они «правильные», *не беспочвенные*. Однако отбор признаков, по которым проводится генерализация, определяется случайными основаниями (базовым образованием автора «теории», его научными предпочтениями, мировоззренческими ориентациями, характером проблем его пациентов, модой, временем и т.п.). К тому же рассматриваются эти признаки абстрактно, в отрыве от исторической, генетической, социокультурной связи. В результате черты современного человека превращаются в абсолютные начала (*архи*) личности, якобы присущие ей по природе. Из этих первоначал далее строятся различные «теории», подобно тому, как древние греки возводили свои космологические системы то на водяном, то на воздушном, то на огненном, а то и на идеальном фундаментах. В отличие от реальных зданий, философские конструкции не только могут быть выстроены на подобных основаниях, но и держатся на них веками.

«Так какая же из этих теорий *правильная*?» — настаивают студенты. Логика эмпирического индукционизма предполагает лишь один благопристойный ответ: «Мы живем в эпоху постмодернизма, который учит нас, что «критический поиск истины вынужден быть терпимым к двусмысленности и плюрализму, а его результатом является относительное и опровержимое, а не абсолютное и надежное знание» [11, с. 306].

Но релятивизм — ничем не лучше догматизма. Он есть такое состояние мышления, в котором оно переходит от одного догматического определения к другому, от одной «теории» личности к другой, не в силах сделать выбор...

А между тем решение проблемы — совсем рядом. Стоит лишь переформулировать вопрос студентов-медиков так: «Каково происхождение многоуровневой концепции личности, которую в разных вариантах мы обнаруживаем в современных ее «теориях»?⁶ Когда и в связи с чем она была высказана впервые?» Поиски ответа на этот вопрос опять приведут нас к Аристотелю.

В трактате «О душе» он представляет предмет своего исследования в виде иерархической системы, состоящей из трех частей, каждая из которых является локусом определенной способности и «движущей силы» (мотива) поведения. *Растительная* душа ответственна за ощущение, без которого невозможно питание. Поэтому она имеется у всех живых существ. *Животная* душа — носи-

⁶ У Фрейда, например, она принимает такой вид: Ид — Эго — Суперэго; у Маслоу выглядит как «лестница» потребностей от физиологических до потребности самоактуализации.

тельница воли и источник движения. Она есть у всех животных. Наконец, *разумная* душа — содержит в себе ум, обуславливает познавательную и вообще целесообразную деятельность. Она присуша только человеку. Аристотель заимствовал эту конструкцию у Платона, который использовал ее для обоснования справедливости сословной иерархии идеального государства. В «Государстве» Платона вся полнота законодательной власти принадлежит высшему сословию философов, поскольку они обладают (от природы, разумеется) первой добродетелью — *мудростью*. Сословие воинов отправляет исполнительную власть, потому что его представителям свойственно *мужество*. Наконец, демиурги (ремесленники и крестьяне), составляющие низшее сословие, являются носителями [физиологических] потребностей — вожделений. Поэтому их назначению соответствует физический труд для удовлетворения вожделений. Аристотель придал мифу Платона понятийную форму. В остальном его «психология» имеет ту же (идеологическую) цель обоснования отношений господства-подчинения «естественными» различиями между людьми. В «Политике» он определяет раба так: «раб по природе — тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает» [3, 1254b 20].

Таким образом, кажущаяся умозрительной и абстрактной трехуровневая конструкция души на самом деле укоренена в социальной практике классической античности, имеет свое основание не «внутри», а «вокруг» себя, в исторически конкретных отношениях между людьми. Точно так же, как и личность, сущность которой, идет ли речь об отдельном человеке или о целом человеческом типе, выходит за пределы индивида в созданный им совместно с другими людьми мир потребностей, вещей, норм, межличностных отношений, государственных законов и социальных институтов, конфликтов, компромиссов, навыков, умений и т.д. Все это как раз и составляет уникальную конфигурацию конкретного существования, бытия-в-мире, или личности. А значит, для того чтобы понять, что представляет собой личность, нужно реконструировать все эти конкретные условия и обстоятельства в их генетической (закономерной) связи. Дело это, конечно, гораздо более трудоемкое и ответственное, чем обобщение очевидных признаков всех индивидов класса «личность» или измерение (описание) этих признаков у конкретного человека.

* * *

Можно ли преодолеть господство Аристотеля в гуманитарном знании, положить предел воспроизводству одних и тех же мифов, перестать наступать на одни и те же грабли, выйти за границы стародавней, но вечно молодящейся традиции эмпирического индукционизма? *Конечно*. Более того, в наши дни для этого не нужно быть ни гиперборейцем, ни титаном, ни даже бунтарем. Достаточно вместе с человечеством изжить в себе Аристотеля: основательно изучить его работы в их социокультурном и теоретическом контексте⁷, а также освоить методологию исследования предмета как исторически понимаемого целого, выработанную философской традицией Нового времени от Бэкона до Канта, от Канта до Маркса и Хайдеггера. Словом, для того, чтобы преодолеть Аристотеля, достаточно полноценного философского образования. Но без него не обойтись никак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Категории // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 2.
2. Аристотель. О душе // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 1.
3. Аристотель. Политика // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4.
4. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум, поведение. М., 1988.
5. Борхес Х.Л. Поиски Аверроэса // *Борхес Х.Л.* Проза разных лет. М., 1984.
6. Касымжанов Х.К. Аль-Фараби. М.: Мысль, 1982.
7. Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997.
8. Мотрошилова Н.В. Зачем нужен Гегель? (К вопросу о толковании Хайдеггером гегелевской философии) // *Философия Мартина Хайдеггера и современность*. М., 1991. С. 161-166.
9. Потемкин А.В. Метафилософские диатрибы (на берегах Кизитиринки). Ростов н/Д, 2003.
10. Ромек Е.А. Психотерапия: теоретическое основание и социальное становление. Ростов н/Д, 2002.
11. Tarnas R. The Passion of the Western Mind. N.Y., 1993.

⁷ У студентов и преподавателей философского факультета Ростовского государственного университета, к счастью, есть такая возможность. Уже несколько десятилетий профессор А.В. Потемкин читает уникальный авторский курс «Аристотель», воспитавший не одно поколение «бунтарей» в области социально-гуманитарного знания.